

Страшное известие о смерти Короленко застало Горького в Германии, куда он выехал в октябре 1921 года. Скончался Владимир Галактионович 25 декабря. В памяти оживали письма, полные от него совсем недавно. Особенно те два, что были написаны, — одно, большое, в ночь на 9 августа 1921 года, а второе, краткое, вдовонку, на другой день. Ими Короленко отсылался на призыв Горького написать обращение к Европе о помощи голодающей России. Цепкая память лихорадочно выхватывала из писем Короленко самое важное.

«Нужно было внушить, что богачи и есть прежде всего бандиты. Все как будто столкнулось так, чтобы породить голод: самые трудоспособные элементы народа, самые разумные и знающие сельское хозяйство преследовались и убивались...»

«Мой вывод, к которому я пришел с несомненностью: настоящий голод не стихийный. Он порождение излишней торопливости. Нарушен естественный порядок труда, вызваны вперед худшие элементы, самые нетрудоспособные...»

«От этой системы раскулачивания надо решительно отказаться. Нужна организация разумного кредита, а для кредита нужна зажиточность, а не равенство. Иначе сказать, нужно отказаться от внезапного коммунизма...»

«Нужно вернуться к свободе... Прежде всего к свободе торговли. Затем к свободе печати, свободе мнения...»

А как кончалось второе письмо? Эти-то слова Горький запомнил наизусть, перечитывая много раз, ошеломленно, со смешанным чувством огромного доверия, выраженного ему, и непомерной тяжести, взваливаемой на его плечи. «Слышал, что Вы уезжаете за границу. Желаю Вам от души успеха. Сделайте предварительное все, что можете, чтобы изменить систему. Иначе ничего не выйдет. А теперь еще раз желаю всяческого успеха. Россия погибает».

Звучал в короленьковских словах затаенный мотив: я делаю все, что могу. Уезжать никуда не собираюсь. Но дней моих остается совсем мало... Однако глубже всего, прямо гвоздем засела в сознании идея: надо изменить систему. Ничего себе задача! По силам ли она вообще одному человеку? Но главное в другом: художник ли должен заниматься изменением политических систем?

Испытывая острее разочарование от своего участия в политике, Горький с эпатирующей бывших друзей-большевиков демонстративностью совершает одну за другой ряд акций, озадачивающих всех своей «нерасчетливостью», наднапартийностью, как бы содержащих дерзкий вызов политикам: ругайте, уничтожайте меня со своих трибунов, но я, как свободный человек, думаю так, а не иначе и не собираюсь подчинять свою мысль вашим доктринам. Размышляя о бедствиях страны, о постигшем ее голоде, Горький приходил к выводам, которые вскоре ошеломили всех: и друзей его, и врагов. В апреле 1922 года в датской газете «Politiken» были опубликованы его заметки «О русском крестьянстве».

Крайняя заостренность основной идеи, перерастающая в явную тенденциозность, была столь очевидна, что и годы спустя не открывала возможности для публикации заметок на Родине. Они увидели свет, с сокращениями, лишь в 1991 году.

По мысли автора, любой народ — стихия анархическая. Он предпочитает иметь как можно больше прав и свести к минимуму количество обязанностей. Наиболее консервативная часть народа — крестьянство. Русская деревня долгое время зависла от города, но теперь, в годы гражданской войны, по-

няла, что город зависит от нее. Деревня присущи «недоверие к поискам мысли», «скептицизм невежества»... И — жестокость, становящаяся порой патологической.

Реакция на книгу о крестьянстве была крайне отрицательной. Белоземляне возмущались: Горький все беды революции и гражданской войны сваливает на народ и тем самым оправдывает этих кровавых палачей-большевиков. Большевики, в свою очередь, подтвердили Горького резкой критикой: как-никак

«Споры об уклонах мы не допустим». Спротивление этому диктаторскому принципу со стороны тех, кто понял гигантскую опасность, заключенную в нем (Шляпников, Коллонтай), было подавлено. Теперь стал возможен переход к организованному ограничению и ликвидации инакомыслия уже вне партии. Метод дискуссий воздействия на сознание был тут, по мнению большевиков, в принципе неприемлем.

Приспешная ликвидация летом 1921 года только-только

ют тесные личные отношения. Тем не менее через своего соратника по партии Б. Николаевского, только недавно освобожденного из заключения и выехавшего в Европу, он обратился к Горькому с просьбой поднять голос протеста против готовящейся расправы над социальными - революционерами. Раздумывая над этим предложением, Горький мог вспомнить еще один фрагмент из недавнего письма Короленко и еще раз поразиться прозорливости Вла-

димира А. Франсу «поганым», но от публичного осуждения его все же решил воздержаться.

А разочарование Ленина по поводу «защитительных действий» Горького было велико. Ведь, согласно их договоренности, писатель выезжал на Запад не только для лечения, но и для налаживания связей советской власти с интеллигенцией, и в первую очередь ради сбора средств для борьбы с голодом. Значение помощи извне, в том числе и из Амери-

ки, было довольно велико. Об этом красноречиво свидетельствует недавно опубликованное у нас письмо Горького американке Джейн Адамс от 10 июля 1922 года по поводу голода, продолжавшегося в стране.

Алексей Максимович исключительно высоко оценивает миссию Гувера: «Америка вправе гордиться детьми своими, которые так бесстрашно и прекрасно работают на огромном поле смерти, в атмосфере эпидемии, одиночества и людоедства. Эта работа кроме своей прямой задачи — спасения миллиона людей от голодной смерти — имеет еще и другое, на мой взгляд, более важное значение: она возрождает в русском народе убитое войной чувство человечности, воскрешает уничтоженную мечту о возможности братства народов, реализует идею совместного, дружеского труда наций».

Как современно звучит эта мысль, пронизанная пафосом торжества общечеловеческих ценностей, не правда ли? А высказана она тогда, когда власти в стране, вынуждаемые безысходными обстоятельствами, использовали гуманитарную помощь Запада, но в конечном-то счете стремились к победе над тем же «проклятым миром капитализма».

Дальнейшие события, разворачивавшиеся все в том же 1922 году, дали новые доказательства того, что большевистская власть намерена допустить к выходу на общественную арену только такие

взгляды, которые соответствуют ее стратегии и тактике. Осенью в принудительном порядке была выслана за рубеж группа крупных филологов, экономистов, социологов, публицистов. На прямую съезды этой акции с судьбой Помгола указывает тот факт, что среди высланных было несколько активных участников комитета: председатель Общества сельского хозяйства А. Угрюмов, председатель его студенческой секции Л. Головачев, писатель М. Осоргин, фило-

логичность редко совпадают полностью, а уж расходятся они постоянно, иной раз даже полярно. Правственный поступок внеутилитарен. Политик же стремится достичь поставленной — именно вот этой! — цели любой ценой. А оправданием служит возможность следующего шага к цели. И коль скоро следующий шаг оказался успешным, значит, оправдан и шаг предыдущий, даже если цена была непомерно высокой, даже если пришлось пролить кровь.

Между тем преследованием эсеров и меньшевиков, высылкой интеллигенции не исчерпываются решительные действия большевиков, направленные на утверждение единовластия. В том же 1922 году началось массовое наступление на духовенство. Повод нашли благой: в связи с невиданным голодом необходимо реквизировать церковные ценности.

«Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью», — торжествовал Ленин. Началось великое наступление на Веру. Одну религию, существующую в течение тысячелетий, заменить другой — религией научного коммунизма, как бы парадоксально ни выглядело такое словосочетание.

Но и этим не ограничились меры советского руководства по утверждению единовластия. Пока у нас шла речь об отрицании (доходом до запрета) каких-то тенденций в общественной жизни, не угодных большевикам. Теперь предстоит коснуться момента, связанного, так сказать, с конструктивно-созидательными планами в области культурного строительства.

Весной 1922 года под руководством заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б) Я. Яковлева стала формироваться комиссия по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество. Решением политбюро за подписью И. Сталина ее состав был утвержден 6 июля. Кроме Я. Яковлева в комиссию входили Н. Мещеряков, П. Лебедев-Полянский и другие видные в ту пору критики. Но особо следует выделить среди них наиболее талантливого и наименее приверженного партийным догмам А. Воронского. 11 июля состоялось первое заседание комиссии, которая постановила: «При организации беспартийного общества использовать фактически существующую группу при «Красной нови».

Состав общества предполагался достаточно пестрым. И примечательно, что включал в него представителей тех течений или группировок, которые уже были полвергнуты партией суровой критикой (это и Пролеткульт, и футуризм, и даже «Серрапионовы братья»).

Но, может быть, наиболее удивление вызывает включение в список сменовеховцев, и прежде всего бывшего графа А. Толстого, пребывавшего в эмиграции. (Правда, к этому времени он уже порвал с наиболее крайними кругами эмиграции

своим «Открытым письмом Н. В. Чайковскому»).

Своеобразное было время. В Берлине, куда Горький приехал в апреле 1922 года и где уже находился А. Толстой, переехавший сюда из Франции, и завязались самые дружеские отношения между «основоположником социализма» и «красным графом». Соплились они настолько, что даже поселились неподалеку — на одной улице, центральной магистрали немецкой столицы Курфюрстендамм, наискосок. Между прочим, здесь, на квартире Горького, в доме 203, был подписан Толстым договор с представителем Госиздата на право издания в советской России романа «Аэлита», журнальная редакция которого была опубликована на рубеже 1922—1923 годов в «Красной нови» у А. Воронского еще до возвращения писателя домой. Летом оба с семьями поехали отдыхать на Балтийское побережье: Горький — в Геритсдорф, Толстой — в Миздрой. Опять же поблизости.

И это при всем том, что Горький неодобрительно относился к сменовеховству, левозимигранционному течению, призывавшему к поддержке большевиков во имя возрождения русской государственности. (Опять по формуле «в роли противника всех и всего»?)

В сущности комиссия Яковлева (так стали называть ее в быту) становилась первым, робким еще прообразом писательского союза, который потом, спустя более чем десятилетие, возглавит Горький.

Но суть в том, что Горький, каким он был в 1922 году, по его собственному выражению, противник всех и всего, еще вовсе не думал о такого рода объединении. Весь он был поглощен мыслями о спасении России, ее интеллигенции, о большевиках, их воле и безустойчивости и вместе с тем умности, кастовости в подходе к явлениям духовной жизни.

Опыт Горького убеждает: в эти трудные, трагические годы художественное сознание продемонстрировало свое преимущество перед политической: всеохватность, универсальность, свободу от жесткой директивности. И в пору революционной ломки эстетическое сознание опиралось на богатейшие гуманистические традиции классики с ее гигантским опытом разработки общечеловеческой нравственной проблематики, той, о которой в нашем обществе в полный голос заговорили лишь в последние годы.

В январе 1924 года писал Ромулю Роллану: «...Я не возвращаюсь в Россию, и я все сильнее и сильнее ощущаю себя человеком без родины. Я уже склонен думать, что в России мне пришлось бы играть странную роль — роль противника всех и всего». Труднейшая пора в жизни Горького! Воистину трагический накал обретаем его боль за Россию, ее будущее. Без былого оптимизма, как к чему-то фатально неизбежному идет Горький навстречу коллизиям, тут же узлы которых затягивало время.

Вадим БАРАНОВ

Рос. газ. - 1993. - 29 янв. - с. 15

В РОЛИ ПРОТИВНИКА ВСЕХ И ВСЕГО.

Но не слугой режима выступал Максим Горький в далекие 20-е годы

В читательском сознании Горький неотделим от идей партии большевиков. Подчеркивают нередко, что союз писателя с властью носил далеко не бескорыстный характер. Называют его и просто слугой режима.

Между тем духовные искания Горького были достаточно сложны, и политические идеи воспринимал он именно как художник — чрезвычайно остро и сугубо индивидуально. Порой противостояние политики и нравственности приобретало характер непримиримого противоборства.

В 1922 году, первом году пребывания за границей после Октября, чутко уловив опасную тенденцию в действиях большевиков — тягу к идеологическому монополизму, — Горький предпринял ряд шагов, которые поразили многих, а нами недооценены до сих пор.

народ — главная движущая сила истории. Первый залп резко критических статей раздался со страниц «Известий» сразу же, в апреле. А в начале сентября Горький выпустил отдельное издание очерка и вскоре сообщил Р. Роллану: писать было трудно, но необходимо. Французский друг отвечал, что рассуждения о русском крестьянстве тронули его своей трагической силой...

И все-таки, что бы там успокоительное ни писали друзья, поводы для критики взглядов Горького на мужика возникало предостаточно. Никто еще в русской (да только ли в русской?) литературе не высказывался о своем народе столь резко и беспощадно. Так что отповеди Горькому понять можно. Особенно если они поощрялись нашим нынешним знанием о трагедии крестьянства в годы сталинизма.

Деревня и город... Крестьянство и интеллигенция, ее выживание в условиях голода — все это было связано теснейшим образом. И вновь, как незаживающая рана, начинала зудить мысль: почему большевики так боятся интеллигенции, что мгновенно разогнали Помгола? Почему вообще так опасаются мнений, не схожих с собственными, стремятся к государственному общественно-идеологическому монополизму, грозящего перерастанием в диктатуру, преследующую любое инакомыслие. Мартов прекрасно знал, что Горького и Ленина связыва-

рившегося Помгола и стала, очевидно, первым практическим действием большевиков по ликвидации инакомыслия. На очередь вставал вопрос об отношении к другим существующим еще революционным партиям. В феврале 1922 года, незадолго до переезда Горького из Шварцвальда в Берлин, в России вышла брошюра некоего Г. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов - революционеров за 1917—18 гг.».

Весьма показательно, что ее текст был немедленно перепечатан «Известиями». Автор изо всех сил старался убедить читателя в том, что лидеры эсеров причастны к попыткам покушения на руководство страны: Ленина, Троцкого, Зиновьева и ряд других лиц. Тенденциозно - обвинительный, фальсификаторский характер опуса Г. Семенова доказан был очень скоро. Тем не менее эсеры — активные в прошлом участники революционного движения — были арестованы, и их ждала самая суровая участь.

Чтобы обращение к Франсу не выглядело слишком демонстративным и оппозиционным, Горький одновременно послал письмо аналогичного содержания А. Рыкову, заменившему Ленина в связи с его болезнью.

Подобных шагов со стороны Горького никак не ожидали. «Правда» высказалась без обиняков: «Своими политическими заграничными выступлениями Максим Горький вредит нашей революции. И вредит сильно». Ленин назвал письмо Горь-

кого А. Франсу «поганым», но от публичного осуждения его все же решил воздержаться.

Алексей Максимович исклучительно высоко оценивает миссию Гувера: «Америка вправе гордиться детьми своими, которые так бесстрашно и прекрасно работают на огромном поле смерти, в атмосфере эпидемии, одиночества и людоедства. Эта работа кроме своей прямой задачи — спасения миллиона людей от голодной смерти — имеет еще и другое, на мой взгляд, более важное значение: она возрождает в русском народе убитое войной чувство человечности, воскрешает уничтоженную мечту о возможности братства народов, реализует идею совместного, дружеского труда наций».

Как современно звучит эта мысль, пронизанная пафосом торжества общечеловеческих ценностей, не правда ли? А высказана она тогда, когда власти в стране, вынуждаемые безысходными обстоятельствами, использовали гуманитарную помощь Запада, но в конечном-то счете стремились к победе над тем же «проклятым миром капитализма».

Дальнейшие события, разворачивавшиеся все в том же 1922 году, дали новые доказательства того, что большевистская власть намерена допустить к выходу на общественную арену только такие

взгляды, которые соответствуют ее стратегии и тактике. Осенью в принудительном порядке была выслана за рубеж группа крупных филологов, экономистов, социологов, публицистов. На прямую съезды этой акции с судьбой Помгола указывает тот факт, что среди высланных было несколько активных участников комитета: председатель Общества сельского хозяйства А. Угрюмов, председатель его студенческой секции Л. Головачев, писатель М. Осоргин, фило-

логичность редко совпадают полностью, а уж расходятся они постоянно, иной раз даже полярно. Правственный поступок внеутилитарен. Политик же стремится достичь поставленной — именно вот этой! — цели любой ценой. А оправданием служит возможность следующего шага к цели. И коль скоро следующий шаг оказался успешным, значит, оправдан и шаг предыдущий, даже если цена была непомерно высокой, даже если пришлось пролить кровь.

Между тем преследованием эсеров и меньшевиков, высылкой интеллигенции не исчерпываются решительные действия большевиков, направленные на утверждение единовластия. В том же 1922 году началось массовое наступление на духовенство. Повод нашли благой: в связи с невиданным голодом необходимо реквизировать церковные ценности.

«Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью», — торжествовал Ленин. Началось великое наступление на Веру. Одну религию, существующую в течение тысячелетий, заменить другой — религией научного коммунизма, как бы парадоксально ни выглядело такое словосочетание.

Но и этим не ограничились меры советского руководства по утверждению единовластия. Пока у нас шла речь об отрицании (доходом до запрета) каких-то тенденций в общественной жизни, не угодных большевикам. Теперь предстоит коснуться момента, связанного, так сказать, с конструктивно-созидательными планами в области культурного строительства.

Весной 1922 года под руководством заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б) Я. Яковлева стала формироваться комиссия по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество.

Решением политбюро за подписью И. Сталина ее состав был утвержден 6 июля. Кроме Я. Яковлева в комиссию входили Н. Мещеряков, П. Лебедев-Полянский и другие видные в ту пору критики. Но особо следует выделить среди них наиболее талантливого и наименее приверженного партийным догмам А. Воронского. 11 июля состоялось первое заседание комиссии, которая постановила: «При организации беспартийного общества использовать фактически существующую группу при «Красной нови».

Состав общества предполагался достаточно пестрым. И примечательно, что включал в него представителей тех течений или группировок, которые уже были полвергнуты партией суровой критикой (это и Пролеткульт, и футуризм, и даже «Серрапионовы братья»).

Но, может быть, наиболее удивление вызывает включение в список сменовеховцев, и прежде всего бывшего графа А. Толстого, пребывавшего в эмиграции. (Правда, к этому времени он уже порвал с наиболее крайними кругами эмиграции

своим «Открытым письмом Н. В. Чайковскому»).

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

БАРАНОВ ВАДИМ ИЛЬИЧ, доктор филологических наук, профессор, член Содру-

жества союзов писателей. Родился в 1930 году в Нижнем Новгороде. Здесь же в 1953 году окончил университет. С 1991 года живет в Москве. Автор книг о жизни и творчестве М. Горького, А. Толстого, критических статей о современной литературе, публиковавшихся в центральных газетах и журналах. Некоторые из них переводились за рубежом. Сейчас в издательстве «Московский рабочий» готовится к выходу в свет монография В. Баранова «Горький без грима».